

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КАРАГАНДИНСКОМ УГОЛЬНОМ БАССЕЙНЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ОГПУ (1931–1934 гг.)

Раскрывается проблема и реализация социальной политики в Карагандинском угольном бассейне по материалам ОГПУ (1931–1934 гг.).

Ключевые слова: социальная политика; большевики.

Современное понимание социальной политики тесно связано с понятием социального государства. В научный оборот данное понятие было введено Лоренцем фон Штейном в 1850 г. Штейн считал, что государство должно восстанавливать равенство и свободу, осуществлять экономическое и социальное развитие всех его членов, «так как развитие одного является условием развития другого». К идеям Штейна неоднократно обращались ученые и политики на протяжении второй половины XIX в. и всего XX в. [1. С. 97]. В современной трактовке социальное государство «создает всем гражданам возможности и условия для достойного уровня жизни и минимизации различных социальных рисков, формирует комфортную социальную среду и предпосылки для самореализации личности и раскрытия ее творческого потенциала» [2. С. 96].

Однако социальная политика не всегда и не всеми правительствами проводится во имя идеи социального государства. По мнению ученых, социальная политика любого государства является «уникальным сочетанием различных факторов социального, экономического, политического и финансового характера» [3. С. 61]. Известно, что советское правительство в своих программных документах ставило вопрос о социальных аспектах людей труда. Поэтому представляют интерес цель социальной политики, ее место и значимость во внутренней политике большевиков в 1930-х гг.

Основной задачей стратегии «великого перелома» было проведение коллективизации, индустриализации и культурной революции. Реализация этих направлений, по мнению идеологов, гарантировала построение основ социализма в стране. Советское государство финансировало все социальные проекты (образовательные, культурные и др.) через систему государственного бюджета. В таком контексте можно рассматривать Советское государство как социальное. Однако забота о социальном благополучии своих граждан не являлась приоритетным смыслом внутренней политики сталинского руководства.

Целью статьи является рассмотрение социальной политики в условиях модернизации на примере становления Карагандинского угольного бассейна. Хронологические рамки статьи охватывают период 1931–1934 гг. Нижняя граница периода обусловлена годом признания угольного месторождения «третьей мощной угольной базой СССР» [4. С. 1]. Верхняя граница связана с последним годом существования ОГПУ до реформирования его в НКВД. Предпринимается попытка проследить соотношение социальных мероприятий с приоритетной задачей – осуществлением индустриализации в восточной части страны. Особенность такой социальной политики заключается в том, что она

реализовывалась одновременно с началом становления самого угольного бассейна в Центральном Казахстане. Такое явление было характерно для периода форсированной модернизации, когда приходилось в сжатые сроки решать комплекс взаимосвязанных задач по преодолению отсталости страны.

Источниковой базой для написания статьи явились документы секретно-политического отдела полномочного представительства ОГПУ в Казахстане (тогда автономия в составе РСФСР). Оригинальность этих документов заключается в том, что основным адресатом спецсводок, спецсообщений, докладных записок, бюллетеней политической информации являлся узкий круг лиц государственного и партийного руководства. Спецслужбы регулярно предоставляли совершенно секретную информацию Казахскому краевому комитету ВКП(б) и Краевой контрольной комиссии РКИ. Данные документы содержат богатый материал о положении и настроениях населения, о социально-бытовом и культурном обслуживании, о снабжении и продзатруднениях – сведения, постоянно собираемые на территории республики. По существу, в ведомственных материалах ОГПУ отображены многочисленные события, происходившие в повседневной жизни населения. Такой единственный в своем роде источник наиболее полно воссоздает картину социальной политики государства.

Данный источник обладает высокой степенью достоверности представленной в нем информации, которая едва ли могла быть отражена в других источниках. Это связано, прежде всего, со спецификой таких документов: фиксировать явления жизни, которые, по мнению властей, являлись негативными и даже враждебными. Необходимо отметить оперативность передаваемой информации. Сотрудники ОГПУ немедленно реагировали на происходящее в стране, чтобы довести подлинную обстановку на местах до руководства страны. Из документов следует, что информировали о самых насущных и животрепещущих социальных проблемах.

Помимо повседневной информации, которая передавалась посредством текущих сводок, секретно-политический отдел ОГПУ составлял аналитические документы по конкретным вопросам, запрашиваемые сверху. Такие документы, как правило, содержат фактический материал по всем областям интересующего вопроса. К примеру, в документе «О Карагандинском угольном бассейне» дается комплексная информация по многим сферам деятельности промышленного предприятия (количество заложенных шахт, численность работников и текучесть рабочей силы, деятельность универмагов, ларьков и проблемы с продовольственным снабжением, медицинское обслуживание и др.) [5. Л. 165].

Интересен для исследователя документ «О положении спецпереселенцев, работающих в Каругле» [6. Л. 56]. В нем ОГПУ обозначило основные причины «резко отрицательных показателей состояния этого контингента», а также проанализировало динамику смертности спецпереселенцев в течение 1933 г. Появление таких документов явилось прямым результатом запроса власти, которая внимательно следила за ходом строительства угольного бассейна. С начала тридцатых годов производственная тематика занимает все большее место в системе информации ОГПУ в КАССР. Это было обусловлено желанием власти республики как можно быстрее превратить Казахстан в промышленно развитый район, что вполне соответствовало взятому курсу на форсированную модернизацию СССР.

Безусловно, как и любой источник, документы ОГПУ содержат идеологические установки того времени. Скажем, в качестве виновников в негативных явлениях производства часто упоминались «враждебные элементы», «беглые кулаки» и «баи», обращалось особое внимание на происхождение человека («из крупных собственников»). С другой стороны, ни один другой партийно-государственный документ так подлинно не отражал настроение населения, его отношение к власти в условиях социальной напряженности. Изученные документы позволяют проследить разочарование людей, их негативное отношение к мероприятиям советской власти. Спецсообщения ОГПУ фиксировали высказывания доведенных до отчаяния людей: «начинается красный рынок, его можно назвать красный только потому, что там ежедневно льется красная кровь» [7. Л. 279]; «продолжаете народ мучить, скажите народу, что умышленно вы делаете... довели тысячи людей голодающих, которые ходят, собирают по мусорным ямам разный отброс» [7. Л. 294].

Несомненно, самой острой проблемой в первой половине 1930-х гг. была проблема снабжения населения продуктами питания. Если относительно промышленных районов чекисты говорили о «продзатруднениях» и «недочетах в снабжении», то что касается сельского и аульного населения, речь шла об «опухании, смертности от голода» и даже о «людоедстве» [7. Л. 65; 8. Л. 55; 9. Л. 11]. Руководство страны не могло обеспечить всех, поэтому старалось снабжать работников тяжелой промышленности, бросая остальных на произвол судьбы. Сельское население было обречено на голодную смерть, а городское – на полуголодное существование.

Как уже отмечалось выше, Карагандинский угольный бассейн являлся важным объектом угольной промышленности СССР; это означало, что по сравнению с другим населением работники угольного бассейна были в более обеспеченном положении. В период существования карточной системы рабочие Караганды наряду с работниками других ведущих промышленных объектов страны имели право преимущественного и первоочередного снабжения [10, 11].

В спецсводке № 24 от 20 ноября 1931 г. представлена информация «о фактах отрицательного характера на промышленных предприятиях и новостройках Казахстана», среди которых центральное место занимала проблема снабжения в Карагандинском угольном бассейне [12. Л. 436–448]. По мнению сотрудников ОГПУ,

одной из причин плохого продовольственного обеспечения является «безответственный учет контингентов». Если фактический контингент, подлежащий снабжению по предприятию, составлял 15 000 человек, то Казнаркомснабом и Крайсоюзом было учтено всего 12 200 человек. Под срывом оказался завоз овощей в рабочие районы (Караганда, Ридер) в 1931 г.: к ноябрю план был выполнен всего на 3%. Причиной этому послужила «крайне слабая постановка работы» в Крайсодогородсоюзе. Руководство слабо представляло свои фонды, следствием чего являлась ошибочная работа в распределении нарядов. В итоге один из важнейших производственных участков Казахстана был оставлен без овощей.

В этом же документе отдельное внимание уделяется системе общественного питания на предприятии. Двадцать три столовые, которыми на тот момент располагал угольный бассейн, охватывали только 25% рабочих и 5% членов их семей. Остальная рабочая масса обслуживанием столовых не была охвачена. Сами столовые располагались в бараках временного типа, которые были «тесными, темными и грязными», абсолютно непригодными для зимних условий. Помимо нехватки соответствующих площадей, столовые также не были обеспечены необходимым количеством инвентаря и оборудования.

В результате фактическая пропускная способность столовых была примерно в три раза меньше положенной, следствием чего явились большие очереди во время обеденного перерыва. Качество предлагаемых блюд было неудовлетворительным. Сотрудники ОГПУ сделали следующие выводы: «питание в столовых не сытное и не вкусное», «обеда мало питательны и подчас приготавлиются из непригодных продуктов» [12. Л. 439].

В последующие годы (1932–1934) причины, вызвавшие продовольственные затруднения, остались теми же: «неумелое использование фондов, безалаберный учет и планирование, несвоевременная переброска товаров к местам распределения» [5. Л. 168]. К этим причинам прибавились «злоупотребления», «хищения», «самоснабжение» и «растраты» со стороны людей, работающих в системе снабжения, только происходило это уже в условиях значительно ограниченных фондов [8. Л. 18].

В одном из документов зафиксировано высказывание рабочего шахты: «Нас кормят плохо, но мы, дураки, работаем, поэтому снабжение все ухудшается и теперь свелось почти на нет; для того чтобы заставить улучшить снабжение, нам всем надо бросить работу» [8. Л. 23].

Следует отметить, что данные слова принадлежат члену ВКП(б), члену бюро шахты. В этом же документе отмечается, что в связи с ухудшением продовольственного снабжения, которое проявлялось в «снижении норм хлеба, несвоевременной выдаче и отказе в хлебных карточках на иждивенцев», были зарегистрированы забастовки (с участием 14 человек), волынки (5 случаев с общим числом участников 81 человек) и эксцессы (50 человек). Причем данные цифры относятся только к декабрю 1932 г. Картину проявления недовольства дополняет бюллетень политической информации № 27 от 17 августа 1933 г. На почве продзатруд-

нений на двух шахтах предприятия 26 и 27 июля 1933 г. продолжалась массовая забастовка рабочих» [9. Л. 38].

Однако проблема с продовольственным снабжением была не единственной, с которой столкнулось руководство республики. Разразившийся голод сопровождался резким всплеском инфекционных заболеваний. В связи с этим появились спецсообщения ОГПУ с соответствующими заголовками: «Об эпидемических заболеваниях», «О состоянии заболеваний малярией» и др. [9. Л. 121; 13. Л. 64; 14. Л. 80]. Среди болезней преобладали тиф, оспа, малярия, имелось подозрение на чуму, отмечены случаи заболевания сапом.

Помимо инфекционных заболеваний причинами увеличения числа смертности были также заболевания рахитом и цингой. В течение двух летних месяцев 1933 г. в Карагандинской области было зарегистрировано 4866 случаев заболеваний малярией и за первые десять дней сентября – 718 случаев. Спецсообщением № 34 от 22 февраля 1934 г. КК РКИ было проинформировано об эпидемии сыпного тифа: «неуклонное повышение числа заболеваний» [14. Л. 80]. В этом же документе отмечены смертельные исходы в результате заболевания оспой. Основной проблемой того времени была нехватка медицинских кадров (прежде всего квалифицированных врачей), лечебных средств и соответствующих медицинских учреждений. К примеру, в связи с эпидемией малярии сотрудниками ОГПУ было зафиксировано, что соответствующие медицинские лекарства и препараты «...на исходе, посланные заявки в край не присылаются; врачей специалистов по малярии нет. Областная малярийная станция до сего времени не открыта» [13. Л. 64].

Безусловно, состояние жилищных условий также влияло на здоровье населения. Согласно данным ОГПУ, в ноябре 1931 г. в Карагандинском угольном бассейне «ввиду антисанитарного состояния жилищ рабочих и служащих развернулась эпидемия брюшного тифа» [12. Л. 445]. Жилищные условия влияли не только на физическое здоровье, но и на психическое и социальное благополучие населения [15. С. 105–107].

Следует отметить, что рост числа заболеваний приводил к срыву производственных и строительных планов по промышленным предприятиям, стройкам, совхозам и колхозам вследствие заболевания значительной

части рабочих и колхозников. В медицинском обслуживании, как и в вопросе снабжения продовольствием, государство оставляло за собой право расставлять приоритеты. Сотрудники ОГПУ отметили, что в период эпидемий «имеющиеся медицинские силы направляются главным образом в рабочие районы, в то время как колхозы совершенно выпали из поля зрения» [9. Л. 126]. Вопрос планирования и учета, руководства и организации в области здравоохранения тоже был не на высоте и указывался в качестве одной из причин распространения заболеваний [9. Л. 123; 14. Л. 81].

Таким образом, впервые публикуемые документы ОГПУ, имевшие гриф «совершенно секретно», помогают нам наиболее полно рассмотреть реализацию социальной политики и оценить ее последствия. Спецсообщения и аналитические справки ОГПУ представляют большой интерес для изучения внутривластных процессов в республике и в Советском государстве. Значимость таких источников определяется функциями и задачами ОГПУ как ведущего звена в структуре информирования власти о положении в стране. Характер и полнота содержащейся информации в документах менялись, но неизменно присутствовала тема производства.

Опираясь на документы ОГПУ, можно сделать вывод, что начало 1930-х гг. было тяжелым временем для советских людей. Финансирование социальной сферы осуществлялось по остаточному принципу после обеспечения военно-промышленного комплекса, тяжелой промышленности и др. Поскольку у Советского государства наблюдался дефицит средств, то на долю социальных расходов приходился минимум. Представленный материал ОГПУ показывает, что состояние снабжения и медицинского обслуживания в Карагандинском угольном бассейне было чрезвычайным. Голод и эпидемии имели серьезные социально-демографические последствия для республики. Несмотря на это социальная политика государства была жестко подчинена стратегии «великого перелома» и ни на шаг не отходила от заданного ей темпа. Она не выражала потребности и интересы граждан и тем более не ставила целью блага человека, а служила дополнительным механизмом для проведения индустриализации страны и являлась необходимой мерой для поддержания рабочей силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакевич Л.И. История социальной работы за рубежом. Томск: Том. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2003.
2. Милецкий В.П. Российская модернизация: Предпосылки и перспективы эволюции социального государства. СПб.: СПб. ун-т, 1997.
3. Валютная и социальная политика Европейского Союза: Учеб. пособие / Под ред. А.Г. Тимошенко. Томск: ТГУ, 2004.
4. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 года. Об увеличении угольных и коксовых ресурсов // Правда. 1931. 24 авг.
5. Архив президента республики Казахстан (АП РК) Ф. 719. Оп. 4. Д. 69.
6. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 726.
7. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 1409.
8. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 667.
9. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 675.
10. Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928–1935 гг. М., 1993. 144 с.
11. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.
12. АП РК. Ф. 719. Оп. 3. Д. 220.
13. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 666.
14. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 1410.
15. Ким М.Ю. Жилищное обеспечение Карагандинского угольного бассейна в начале 1930-х гг. // Научная сессия ТУСУР-2007: Материалы докл. Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: В-Спектр, 2007. Ч. 5.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 июля 2008 г.